

ИВАН ТЕРТЫЧНЫЙ

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

РАССКАЗЫ

Весь вечер и всю ночь на улице шумно колесил западный ветер. Он был так резок и напорист, что невольно представлялось: ещё одно усилие, ещё один порыв — и оконные стёкла брызнут мельчайшими осколками вовнутрь, кромсая темень гостиничного номера, и воздушный поток хлынет густой волною, сметая всё на своём пути.

Владимир Владимирович упрямо пытался прогнать это тягостное ощущение: поплотнее прижимал край одеяла к ушам, нарочно вспоминал идиллические картинки из детства — и вроде бы убаюкивал себя, погружался в тёплый туман сна... А потом вдруг снова просыпался, и снова долго засыпал...

Утром городская округа выглядела по-новому: дома, окружающие площадь, обрели свои прежние черты, многодневная поднебесная наволочь бесследно пропала, и в слабо подсвеченной с востока выси воцарилась холодная луна.

Путь зиме был открыт.

Владимир Владимирович расстегнул серое пальто, поправил пересекающий грудь наискосок ремень чёрного портфеля и направился через пустынную площадь к вокзалу.

Кепку он нёс в руке, подставляя тщательно выбритую голову текучей прохладе, — бодрящей, пахнувшей невидимым снегом, — и, кажется, от избытка утренней радости что-то тихонько декламировал, может быть, оконча-

---

ТЕРТЫЧНЫЙ Иван Алексеевич родился в 1953 году в Курской области. Служил в армии, работал на стройках. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор книг “И было утро”, “Рядом”, “Подорожная”, “Когда-нибудь...”, “Лунный снег”, “Живая даль” и других. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ние своей любимой строфы: “Какая это славная привычка — идти с восходом к утренней реке!” Или же — что-то другое, в подобном духе.

В вагоне, как он и предполагал, народу оказалось не так уж много; активная фаза отпусков закончилась вместе с исходом русского лета, и передвижение в пределах отечества стало делом легко исполнимым: деньги—билет—поезд (самолёт). В купе он и вовсе был один; правда, на следующей станции — часа через три-четыре — у него появились соседи: он и она, лет двадцати пяти-восьми; он — тихий, малоприметный, русоволосый; она — яркая кареглазая брюнетка, крепкая телом.

Владимир Владимирович, едва они вошли, отложил в сторону электронную книгу и вышел в коридор, давая новым соседям возможность расположиться.

Бессмысленно глядя на обнищавшие к ноябрю лесополосы, сопровождающие железную дорогу и шумно бегущие по ней поезда, машинально отмечая попутные селения на безвестных полустанках, маячащие на возвышенностях ажурные вышки ретрансляторов сотовой связи, Владимир Владимирович ещё раз мысленно окинул сделанное им за дни недолгой командировки и подытожил: всё, в общем-то, нормально, предприятие будет эффективно развиваться да и...

— Простите... — За спиной, в проёме распахнувшейся двери стоял сосед. — Простите... — повторил он. — Вы не могли бы составить нам компанию? Я и жена вот...

Составить компанию... да ещё в дороге... с незнакомыми людьми... — это, во-первых, не про него; в двадцати шагах, кстати, ресторан, — это во-вторых; в-третьих... полчаса назад он подкрепился холодным цыплёнком табака, благоразумно прихваченным утром в буфете гостиницы. Но в лице и глазах молодого соседа было столько откровенного простодушия и в то же время спокойного достоинства, что Владимир Владимирович, улыбнувшись, снизошёл с высоты своих сорока лет к предложению попутчиков и шагнул в купе.

Тут-то они и познакомились.

— Сергей.

— Я — Жёня.

— Владимир.

На столике, на трёх бумажных тарелочках, лежали по два апельсина. В центре красовались большущие антоновские яблоки, тускло мерцали серебряные стопочки. Как говорится, классический дорожный вариант.

— Что вы будете? — спросила Жёня и взглянула на мужа.

— Да, есть варианты... — уточнил Сергей. — Есть хороший коньячок, “Хеннесси”. Но я, к примеру, предпочитаю в дороге текилу. Из агавы, конечно.

— Я присоединился бы ко второму варианту, но вам может не хватить запаса, а в вагоне-ресторане будет ли...

— Мы же, Володя, давно мечтали об этой поездке — добраться по железной дороге чуть не до Каспия, а потом на теплоходе — вверх по течению — до дома. Ну, вот и прошёл по магазинам, выбрал подходящий напиток с расчётом на все дни путешествия, даже с некоторым запасом. Так что не волнуйтесь...

Текила и впрямь оказалась неплохой (в хмелящих напитках Владимир Владимирович разбирался основательно), беседа — спокойной и ненавязчивой, с естественными паузами. Мало-помалу выяснилось, что эта бездетная парочка два-три раза в год путешествует по старинным городам, заповедникам и прочим любопытным местам, что Жёня, опытная яхтсменка, работает в каком-то спортивном клубе, Сергей же дорос, благодаря упорству и трудолюбию, до места какого-то начальника на предприятии по производству сантехнического оборудования. Владимир Владимирович, Володя, не стал вдаваться в подробности своих рабочих обязанностей, обозвав их бумажной тяготиной, зато с охотой поделился впечатлениями от увиденного в деловых и отпускных поездках; тут его собеседники и вовсе размягчились, заулыбались, мол, как же славно, что у них у всех есть такое замечательное увлечение...

Когда Владимир Владимирович вышел в коридор размять уставшее от долгого сидения тело, Сергей последовал за ним и, покурив в тамбуре, встал рядом у окна. Мелькали низенькие платформы, безликие станционные постройки, тёмные кирпичные трубы заглохших заводиков, несчётные растрёпанные деревья и кусты лесополос, холмистые сырые поля — привычная и почему-то невесёлая осенняя картина.

— Знаете, Володя, когда мы вошли в купе, а вы ненадолго вышли... Знаете, что я сказал Женечке? Я сказал ей, что с нами едет необыкновенный человек. А тут ещё ваш томик Басё на столе... И Женя, кстати, сразу со мной согласилась. Да, у него, говорит, такое лицо и такие глаза... Простите, что говорю это вам, как говорится, прямо...

Владимир Владимирович коротко и цепко взглянул на соседа: что это? Неловкая шутка? Или?.. Но сосед, похоже, не шутил.

“Ах, вон оно что!.. И это немедленное предложение составить компанию, и этот странный пиетет...”

Владимир Владимирович едва не рассмеялся вслух — звучно, от души. Нет, хорошо всё-таки, что сдержался, иначе бы обидел и Сергея, и его милую жену. Пусть оно наивно, простодушно, такое вот поспешное суждение о нём, но это ведь издержки молодости и неопытности, скорее всего... Стоит ли над этим смеяться...

Владимир Владимирович позволил себе лишь чуть улыбнуться и неопределённо махнуть рукой.

— Может быть, пора нам, Сергей, вернуться в купе и продолжить игру в наши... шашки?

Сергей распахнул перед ним дверь.

Что же знал он сам о себе? О масштабе, так сказать, своей личности. Да, он изрядный профессионал — диплом с отличием, выданный лучшим вузом страны, многолетнее самообразование, почти двадцатилетний опыт работы — с изрядной зарплатой; в определённом смысле оригинал, поскольку со студенческой скамьи всерьёз занимается восточной поэзией (китайской, японской), её переводами на русский, теперь, по признанию давно убеждённых сединами специалистов, он крупный авторитет в данной области. Но ведь это всего лишь его трепетное увлечение, может быть, даже страсть, может быть, он действительно талантлив и достиг каких-то успехов в этой области... Кстати, томик стихов Басё — его переводы. Но думать о своей особой необычайности — смешно. А милые ребята — охо-хо!.. Чудаки — да и только! Его друг Паша, ехидна, поиздевался бы над ним вволю, узнав о таких попутчиках... Естественно, Володя не даст ему такого повода...

Поезд, отскрипев, отстучав, отщёлкав своё на ветвящихся станционных стрелках, наконец-то плавно остановился, и Владимир Владимирович, нахлобучив крапчатую кепку, бодро шагнул на платформу. Постоял, стряхнул с рукава соринку — и на этом его бодрость кончилась. Он побрёл по перрону к подземному переходу, привычно представляя, как через пяток минут такой помчит его по выстуженному ветрами проспекту домой, как жена, распахнув дверь, молча прошмыгнёт в дурацком ярком халате на кухню, как придёт вскоре дочь, бросит на пол рюкзачок с книгами, скажет ему: “Привет, пап!” — и поскорее удалится в свою комнату, к компьютеру, как вслед за ней придёт сын и, кивнув ему, отправится в свою комнату... А он, не раздеваясь, сидя в кресле посередине кабинета, будет смотреть на осеннее серое небо и ни о чём не думать...

Владимир Владимирович остановился, словно его настигла какая-то неожиданная мысль. И скорым шагом вернулся к только что покинутому им своему вагону. За стеклом третьего от двери окна стояли, взявшись за руки, его молодые попутчики. Они словно ждали его. Они смотрели на него во все глаза... Как же это было здорово — ехать вместе, втрём!

И у него так странно защемило сердце; ему вдруг захотелось такого же, как у них, простого, наивного счастья, и он растерянно, глупо заулыбался и неопределённо махнул рукой...

ВЛЕЧЕНИЕ

1

— Веришь ли? Я никогда по доброй воле не вспоминал о ней почти во все, — говорил он, опираясь руками на перила плавучей веранды, увлекаемой буксиром от набережной к песчаному острову посередине Амура, где в жаркие дни любят отдыхать горожане. — А если мельком и вспоминал, то один раз в десятилетие, в связи с чем-то.

Он помолчал, глядя на широкое течение воды, и снова повернул ко мне наклонённое лицо.

— Хотел бы её увидеть теперь? Не знаю. Вряд ли... Скорее всего, она очень изменилась, по крайней мере, внешне. И пытаться увидеть, разглядеть в заматеревшей женщине семнадцатилетнюю девушку, услышать её голос — тот самый голос! — дело заведомо провальное. Или я неправ, земляк?

Он поднял голову и внимательно посмотрел мне в глаза.

2

Признаюсь как на духу: люблю путешествия. Тяга к временной перемене мест живёт в моей душе с юности: увидеть новые земли, новых людей, неизвестные большие и малые селения, услышать другой говор, уловить, почувствовать иной ритм человеческого бытия — не счастье ли?

Нравились и нравятся до сих пор путешествия разного рода: и пешие, и автомобильные, и водные, и железнодорожные... Что же касается путешествий космических, о которых слышны пока только общие рассуждения, то отвечу априори: безжизненные пространства не манят меня ничуть. Хотя, возможно, для иного астронома перемещение в космосе — предел мечтаний. Что ж, каждому — своё...

Однажды нежданно-негаданно очутившись в городе, вольно раскинувшимся на высоком берегу Амура, неторопливо оглядевшись в нём, я со временем почувствовал в себе почти неодолимую тягу видеть и слышать его — пусть изредка, пусть один раз в несколько лет. И был, думается, в этом странном, почти не объяснимом пристрастии один понятный мне мотив: здесь однажды расцвела такая случайная, такая мимолётная и такая нежная влюблённость!

И вот я снова здесь, снова легко вспоминается, казалось, навеки забытое.

...Мы едем в малолюдном автобусе за город, в просторный сосновый бор, где в одном из его уголков на берегу реки разместились пионерский лагерь, а в нём работает вожатой её лучшая школьная подруга (да и вообще там мировой девичий коллектив!), и значит — нам будет весело. Так говорит она. И я почему-то ей верю, хотя в каком-то ином случае предпочёл бы нечто более простое, чем шумное детское окружение. Но обещанный пляж (сегодня, как и вчера, и позавчера — жаркий день) в часы детского затишья и три бутылки вина в нашей сумке подкрепляют мою веру в её утренний замысел. Что ж, лагерь так лагерь...

...Мы стоим на берегу затона и смотрим на скопище речных судов — и казённых, ждущих, может быть, ремонта, и разноцветных яхт, и каких-то катеров и лоджонок. Моей милой это, вероятно, ни к чему — глазеть на столь пёстрый вид... А я вижу всё это впервые в такой близости... А там вон, за рекой, синее в дымке лесистый хребет, там уже чужая земля, притихшая, присмирившая в последние годы, но оттуда веет настороженным холодком...

Ей нравится её родной город, и она рада, что он мне тоже пришёлся по душе, и это нас роднит. Так говорит она. И я ей верю. Разве я могу ей не верить? Ведь она доверила мне даже себя...

...Мы сидим за столом, увенчанным неяркой настольной лампой, пьём болгарский коньяк “Плиска”, закусываем ломтями чуть подкопчённой красной рыбы, вкушаем индийский чай, смеёмся и беспричинно целуемся — нежно, жадно, вволю... Когда мы лежим на диване, горячие, взволнованные,

меня почему-то удивляет, что её лицо в темноте кажется белым-белым и почему-то совсем не знакомым; мы вглядываемся друг в друга, понимаем друг друга, а там, под окном, в переулке кто-то никак не может понять, почему же сегодня так рано погас в комнате свет; в стекло то и дело постукивают крошечные камешки; кто-то хочет увидеть её лицо, услышать её голос, но, увы, увы...

3

Ещё раз я увидел берега Амура лет, кажется, через десять и, слегка отдохнув в гостинице после длительного перелёта и смены часовых поясов, особо не раздумывая, тая в душе какую-то необъяснимую надежду, отправился искать Танию. Если бы кто-то, даже не весьма остроумный, решил охарактеризовать меня в этот час, то тут ему потребовалась бы одна-единственная строка классика: “Влечёт меня неведомая сила...” Точнее говоря, я предполагал, где её можно найти; специальность и работа Тани были связаны с тяжёлым промыслом, а стало быть, вряд ли она поменяла карьеру, а если даже и ушла с прежнего места, сослуживцы подскажут её новый адрес. На порхающую по градам и весям птичку она вовсе была не похожа: не тот склад характера.

Двухэтажный особняк в тихом переулке я нашёл сразу и постучал в однажды мною виденную дверь. И шагнул в просторный кабинет. За столами, нагруженными объёмистыми папками, сидели, уткнувшись в бумаги, три женщины — две в возрасте и одна молодая. У неё-то я спросил, могу ли я увидеть такую-то и тут же, спохватившись, сообразил, что, возможно, у Тани теперь другая фамилия, всё-таки десять лет — не десять дней; что, возможно, — да какое там “возможно”, совершенно точно! — я напрасно явился в этот тихий переулок, в этот занятый делом особняк, в эту просторную, затенённую плотной листвой липы комнату... Что за дикая выходка, братец?

Женщины, те, что постарше, переглянулись и, словно повинувшись чьей-то беззвучной команде, встали из-за столов и проскользнули мимо меня в открытую дверь.

Молодая женщина тоже встала и повернулась ко мне.

— Это я...

Я смутился, что с первого взгляда не узнал её. За годы разлуки без надежды на встречу память как бы перерисовала её облик: тут капельку добавила в лице, тут убавила, лишь оставила неизменно-стройной фигуру... После некоторого замешательства я коротко всмотрелся в лицо Тани и бесповоротно признал: да, это она. Карие с зеленой глаза... знакомые веснушки... полные вишнёвые губы... светлые брови... Этот тихий внятный голос — её голос!

— Это я... — повторила она. Ресницы её вскинулись, чуть дрогнули. — Ты? Это ты?

Чистый румянец проступил на её щеках.

На безымянном пальце правой руки я разглядел обручальное кольцо; оно туго обнимало расплывший палец и почему-то казалось тусклым, будто блёклая медь.

— Откуда?

— С самолёта.

— А я...

— Таня...

И тут, точно сквозь вялый и туманный сон, до меня дошла отрезвляющая мысль: путь в наше общее коротенькое прошлое и мне, и ей заказан; есть только сегодняшний день, где мы существуем отдельно друг от друга, и ещё может случиться день завтрашний, где мы можем быть — отдельно друг от друга. Общего будущего — ни дня, ни недели — у нас нет, ему не из чего расти. Трусись? — спросил я себя. Будущего нет, подтвердил разум. И, сдавленные его мёртвой хваткой, чувства, задыхаясь, подтвердили: общего нет будущего...

— А я...

— Тая, мне нужно сейчас идти в институт культуры... К пятнадцати ноль-ноль надо... Позвони, когда освободишься. Или там, или в гостинице буду. Просто позвони и скажи: “Я уже свободна!” — Вот... — Я положил на стол визитку с номером мобильного телефона и, шутиливо махнув рукой, шагнул к плотно прикрытой двери.

4

Месяца через два после возвращения с Дальнего Востока я оказался в гостях у своего двоюродного брата. Случай для нашего свидания был очень подходящий: день рождения Ивана, круглая дата.

После утреннего чаепития я отправился побродить по городу. Я шёл по просторному скверу под высоким зелёным навесом пышных лип и клёнов, мимо плакучих ив, мимо цветущих рядов декоративного кустарника, мимо пахнущих скошенной травой газонов... Останавливался, радостно осматривал ближний мир, древесный и человеческий — лица моих земляков, лучащиеся какой-то особенной мирной красотой, вслушивался в людские и птичьи голоса и понимал, что именно в июне можно почувствовать себя счастливым... Райская пора!

Когда я вернулся в знакомый мне дом, стол для праздничного обеда был уже, считай, накрыт усилиями жены брата, Нины, и их взрослой дочери Верочки. В прихожей я расслышал голоса первых гостей — мужской и женский. Они о чём-то весело толковали с хозяевами и звучно смеялись, должно быть, после первой рюмочки, “кухонной”, вошедшей в обычай домашних праздников (первых гостей поощряют за своевременную явку).

Пришедший ранее прочих оказался сослуживцем брата, а женщина — его женой. Матвей и Марина — так именовали пару — тотчас взяли надо мной опеку и решительно усадили за праздничный стол рядом с собой. Марина о чём-то щебетала с соседкой, а её муж, по-свойски толкая меня локтем в бок, рассказывал о том и о сём, в том числе о приключениях на рыбалке; они с Иваном зайдые рыбаки; всю область исколесили, даже на бывший железорудный карьер ездили, там, на месте добычи полезного сырья, огромный пруд власти соорудили, обустроили чин по чину, зарыбили солидно — рыбаки млеют от счастья!

Я из вежливости поинтересовался у соседа, большая ли у него семья. Матвей ответил тут же, коротко и бодро:

— Маринка да я!

Потом, выпив и закусив, мой бравый сосед решил всё-таки растолковать подробности их семейной жизни. Что, мол, они за одной школьной партой в старших классах сидели, любовь у них была, даже целовались. А после службы в армии Маринка ему почему-то разонравилась, и он женился на другой. А она тоже взяла и замуж за какого-то типа вышла. Ну, вот так оно всё устроилось. И жили они так и жили. А лет через девять-десять как-то встретились случайно — и любовь их проснулась, разгорелся костерок.

— Тут-то я и сказал ей сразу: бросай ты своего губошлёпа — и давай жить вместе! Первая любовь никогда не ржавеет! Так и сказал, понял?

— А дети у вас в семьях были?

— А то!.. Я свою с сыном к матери моей переселил, пусть вдвоём воспитывают, они, понимаешь, такие дружные! Сила! А её губошлёп на другой женился, так что дочку Маринину в порядке воспитают. Вот!.. Давай выпьем за здоровье твоего брата. Согласен?

А когда объявили перерыв-перекур, Матвей вывел меня на улицу “подышать кислородом”. Я поглядывал на высокие лёгкие облака, на мягкое колыхание деревьев, вдыхал-выдыхал июньский воздух, а мой собеседник продолжал развивать семейную тему.

— Приходим вечером с работы, садимся ужинать, стопочки по три-четыре примем, валимся на диван — и давай песни петь! Или телевизор включаем... А потом — на боковую! Обнимемся крепко и спим. Ничего нам не надо! Счастье! Понял? Вот так...

5

Я уже заканчивал гостевание у брата, загорелый, с сияющими глазами, напитавшийся воздухом родины, когда позвонил на мобильный тот самый знакомый, с которым мы вместе одолевали водную ширь Амура на плавучей веранде.

— Сейчас я в поезде, подъезжаю, земляк, к нашему областному городу, переседаю на электричку — и в тихий-тихий городок Свободу. Помнишь, я его упоминал в разговоре?

— Помню. Как же!..

— Может, когда-нибудь увидимся? В Москве, допустим...

— Зачем — когда-нибудь? Через полчаса я встречу тебя на вокзале, вот и увидимся. Посидим в кафе, поговорим. Годится?

— Не ожидал такой приятной засады, не ожидал...

6

— Ну вот, земляк, летел-летел я на самолёте, смотрел вниз через окошечко на облака... они снежную пустыню изображают... на извивы больших рек, горных хребтов... жилья человеческого почти не видно... большей частью видишь прямые линии — просеки, где проходят линии электропередач... И вот глядишь на всё это и думаешь не о небе, не о Солнце и Луне, не о звёздах и прочем, что на высоте, — а о земном думаешь, о тех, кого любил и любишь, о памятных детских кострах на склоне холма, об ушедшей в мир иной родне, о стрекозах у летней речки, о зимних зорях, о первых скворцах в марте, когда под ногами хрустит ледок... Да что я тебе об этом рассказываю! Сам, небось, такое представляешь... В одной природной печке шла наша за-калка! Давай выпьем за это!

Мы ещё раз приветствуем друг друга бокалами с вином, и мой собеседник, отбарабанив на столе короткую дробь, развивает свою мысль.

— В общем, я понимаю и чувствую так: всё обаяние, вся неохватность, всё господство над тобой земной жизни постигается в небесной выси и, как ни странно, незримая небесная воля — на земле. Конечно, не все и не всегда видят её скромные или грозные признаки... Однако ж...

В свою очередь я рассказал земляку о недавно встреченных в праздничной компании двух, говоря по-современному, мажорах — Матвее и Марине, — дерзко рвущихся к личному счастью, и спросил его, что он об этом думает.

Земляк пристально глянул на меня, вздохнул и поправил на руке часы: до отхода электрички оставалось семь минут.